

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

**Продолжение. Начало в № 55,
58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81,
84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113,
117, 125, 134, 137, 140, 145,
148, 151, 154, 157, 160, 164,
166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19,
21, 24, 27, 30, 36, 39, 43, 46, 50,
53, 56, 59.**

Формула

Федора Достоевского

[...] «Теперь же хочется сказать о значении романа для нашего современного, постоянно меняющегося мира, когда сутью самого процесса перемен стало смешение всего и вся, превращение человечества в обезличенную однородную массу.

Роман показывает, сколь существенная разница между социально-ориентированной, общественно-значимой личностью и индивидуализмом современного социал-дарвинистского общества. И, безусловно, открывая для себя роман Николая Воронова, новые поколения читателей будут обнаруживать также и в себе то неубиваемое стремление к добру, к правде, высшему смыслу жизни, в которых только и можно найти спасение, в которых только и может человек проявить себя как личность».

Чем прекрасно бытие духовности: в нем есть универсальные ориентиры. Одним из них, быть может, самым сущностным, является ПРАВДА. С мальчишества я начал придерживаться мыслей о правде, принадлежащих Ивану Крылову и Льву Толстому. А в зрелом возрасте стал исповедовать правду Александра Твардовского. Но самой законченной нашел и нахожу формулу ПРАВДЫ Федора Достоевского: «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, и потому надо желать одной правды и искать ее, несмотря на все те выгоды, которые мы можем потерять из-за нее, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за нее», и осуществляю ее своими возражениями в примерах, опровергающих литературного гиеношакала А. С. Т., пытающегося зажать память писателей с аллеи Классиков, кто крупно сослужил своим СЛОВОМ нашему Отечеству в отдельные периоды двадцатого века.

Р. С. Многие из того, что развернуто в этой книге, – не только истина о моей судьбе, о моих трудах, о моем характере и мировосприятии, но и вешнее свидетельство о моей эпохе и ее людях, среди которых, честных, светозарных и доблестных, были и писатели, оскверненные невежеством, низкопробным, бессердечным, дьявольски завистливым белекстрисом, так называл Павел Нилин борзописцев-ремесленников, претендующих на художественность, – Анатолием Ткаченко. Вот факты, подтверждающие его беспощадность пустобреха и террористическое клеветничество.

Ложные свидетельства на братьев по перу

Свою брошюру начинает он с Дома творчества «Переделкино», куда он приехал по весне через че-

тыре года. Дом с колоннами, где поселился, он называет старым, еще сталинских времен. Дом отнюдь не старый, и не сталинских времен: открыт он был после смерти «вождя народов», и к той поре крепко построенный, простоял всего 42 года. Акцентируя собственный приезд сюда ВЕЛИКИМ постом и одобряя то, что в столовой была возможность заказывать блюда для постящихся, он намекает, будто бы причастен православной веры, в чем я сомневаюсь, поскольку он далек от наиглавнейших христианских заповедей: соблазнил жену ближнего своего и увез ее вместе с дочерью от законного супруга с острова Сахалин в Москву, да еще относился к жене беспощадно: не давал денег на протезирование зубов и держал в изношенной до чудовищности шубе, что я помню по обнинским впечатлениям. Его нападки на исключительных советских писателей, к примеру, на Леонида Максимовича Леонова, кого нобелевский лауреат Михаил Шолохов считал самым великим писателем мира в XX веке, указывает на его завистничество грандиозному дарованию Леонида Леонова, на желание возмездие какую-то издач, которыми Литфонд СССР награждал лучших литераторов и деятелей, нередко самопожертвенных, союзов писателей Москвы, страны, зарубежья.

В брошюре А. Ткаченко «Передел-кинские про-

С мальчишества я начал
придерживаться мыслей
о правде, принадлежащих
Ивану Крылову
и Льву Толстому

перу. В начале нее, заговорив о Семене Шуртане, вроде бы доброжелательным образом, он производит такое облыжное нападение на него, которое сбрасывает в ничтожность действительные достоинства этого препорядочного, огромной культуры человека и творца: «Прозаик он, по-моему, неинтересный, в чем, конечно, нет его вины: Бог не дал художественного дара». Оказывается, наш беллестрис вурдалачьего толка имеет выход на самого Бога и потому знает, кому Господь дал художественный дар, а кого им обделил. И это он говорит об авторе романа «Одолень-трав», замечательных изобразительных и языковых сокровищ, и справедливо вознагражденного Государственной премией 1987 года. Претенденту на знание раздачи художественного дара нашим Господом Богом, увы, не сподобилось написать роман, сколько-нибудь близкий по мастерству, историчности, духовности, роману «Одолень-трав».

Приписыванием Семена Шуртакова к правлению и около правления Союза писателей России, Ткаченко притягивает нежелуемого им прозаика к начальству, благодаря чему-де он выезжал в края и области «от имени и по поручению». На самом деле в правления Семен Шуртаков попал за литературные

Семен Шуртаков – отличался не только даром прозаика, но и просветителя, патриота, государственника

и гражданские публикации. Внекарьеристичность Семена Шуртакова он подает как приверженность карьеризму. И проделывает жалостливое по отношению к себе приседание: «... в те годы я не мог приятельствовать с ним, так как никогда не был близок к начальственным правлениям, чурался их». (Это они чурались тебя, как беллектриса-равнодушника – **Н. В.**) Общение по уровням велось в нашей среде, но не столь распространено, как

об этом рас-
сусоливают
«демократы». Именно в то
время я не
избирался в
правления, од-
нако приятель-
ствовал даже

кругу, но не проявил профессионального, даже элементарного интереса к тому, откуда Семен есть, пошел. Ни с того, ни с сего он назначил ему рождение в деревеньке где-то на Вологодчине. А в действительности Семен Шуртаков родом из села Кузьминки Сергачевского района Нижегородской области. Он, мол, убегает на лето к себе в деревеньку от рыночной сверкры. На самом же деле Шуртаков ездит к себе на малую родину не просто пожить в отцовском доме среди родственников. Семен Иванович заботливо занимается культурой, образованием и другими потребностями села Кузьминки и города Сергачева, почетным гражданином которого он избран. Семен Шуртаков – единственный из писателей, кто подарил свою библиотеку исключительной разносторонней ценности родному селу.

Похвалы Шуртакову, зачастую высказываемые сквозь зубы, Ткаченко перекрывает ядовитыми замечаниями: выезжал в края и области «от имени и по поручению» и, случилось, бесполезно. Судить о человеке редкостью гуманистических чувств неземной мудрости, сокровенных познаний как о марионетке и лице, действующему по заданию и обещанному духовными возможностями, значит, намеренно уничтожать его. А ведь каждое выступление Семена Ивановича глубоко содержательно, ораторски захватывает, восхищает, склоняет к неослабевающему обдумыванию его суждений. Дважды я, сравнительно недавно, слушая выступления Шуртакова: в Государственной библиотеке о благородном Владимире Дале и в Центральном Доме литераторов – об Алексее Югове, замечательном историческом писателе, великоленном лингвисте и, кстати, открывателе того, что пращурсы В. Дalia ушли во время раскола в Скандинавию и вернулись оттуда, сохранив память об Отечестве и замалчивая о приверженности к старообрядчеству. Всякий раз я был признателен Шуртакову за энциклопедизм сведений, подробностей, за языковую красоту страстного оратора.

Юбилей гения лексикографии

К 200-летию гения лексикографии классика нашей литературы Владимира Ивановича Даля Семен Шуртаков был награжден золотой медалью за выдающийся вклад в сокровищницу русской словесности. Чтобы точно был подан товарищ по Союзу писателей, необходимо знакомство с его творчеством, тем более столь разносторонним, как творчество Шуртакова, и уж, конечно, хотя бы простое знание его судьбы. Я уверен, что очерки, рассказы, критические статьи, летописи, публицистические эссе, повести, романы Семена Шуртакова не читаны Анатолием Ткаченко. Может, малость с ледяным сердцем просматривались. Вот он пишет, что знаком с ним много лет подряд, часто беседовал, совершал прогулки в Переделкине по большому

Автор

«Железного потока»

Проходясь по кучкующимся Игорю Минутке, Сергею Плеханову, Борису Ряховскому с женой, Анатолий Ткаченко не преминул нанести пинок по Игорю Золотускому: опустил его имя, то, что он блестящий голослов, серьезный телеведущий литературы русского зарубежья, масштабный исследователь советских современных прозаиков России, а не просто «литгазетовский» критик, возглавляющий правление второй российской писательской организации.

Оба они, Игорь Золотусский и Анатолий Ткаченко, начинали на Дальнем Востоке, и А. С. Т. в Обнинские нет-нет и злобился мне, что Игорь не пишет о нем. Не писало и абсолютное большинство критиков, хотя рядовые критики подхваивали, но и их не вдохновляли его холодные очерки-рассказы, повести, а он горел желанием, чтобы грохнул о нем статья правдивейший, незаурядный эстет, философ прозы Игорь Иванович Золотусский.

Грозный свой ход по улице Серафимовича костооломно-невежественный, верно, не без просветов, zaczynaет претендент на честность и пророчества А. С. Ткаченко с автора могучего романа «Железный поток» Александра Серафимовича, увы, опустив его имя, а псевдоним, взятый писателем по отчеству, истолковывает, на мой взгляд, извращенчески: «А что он поменял свою настоящую фамилию Попов на свое же отчество, можно ему простить: неловко ему было с нею, в стране искоренялось повопство, а тут чуть ли не намек на сомнительное происхождение». Политизировать смельчака, отличившегося не менее грандиозной независимостью, чем Максим Горький, довольно нелепо: псевдонимы в ту эпоху, когда его стали печатать, были в моде. Вполне допускаю, что такой псевдоним он взял в честь преклонения перед отцом; между прочим, Поповых-писателей во время жизни Серафимовича, притом известных, было пятеро, и никто не испытывал неловкости из-за православной тональности родовой фамилии. Без уничижения не мог отпустить Серафимовича прогулочный лихач. В том, что Ткаченко провозглашает, будто лучше «Железного потока» Александр Серафимович ничего не написал, нет ни обязательности, ни справедливости. «Железный поток» – роман новаторский, революционный, угодный тогдашним властям имущим идеологам, а потому и мощно прославленный, но это отнюдь не означало, якобы все его выделяли. А мне и барачным моим сверстникам больше нравились его рассказы: «Бегство», «Маленький шахтер», «Оцененная голова», «Погром»... Занимаясь в школе рабочей молодежи, я, потомок оренбургских и запорожских казаков, зачитался его казачьими очерками и статьями о литературе. И для меня бесценным подвигом писательского благородства было то, что с подачи Александра Серафимовича был опубликован в «Молодой гвардии» роман Михаила Шолохова «Тихий Дон»

Продолжение следует

➤ В правление Союза писателей избирались в большинстве своем по литературным и общественным достижениям